

Наташа
ДОМАНЧУК

18+

Искандер

Наталия Доманчук

Нелюбимый

<https://litres.ru/68931081>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда встречаются два человека, то между ними расстояние в двадцать шагов, а строго посередине любовь и счастье.

И если вы сделали свои десять шагов, а ваш партнер не спешит идти вам навстречу, то не стоит делать одиннадцатый шаг. Не будет у вас любви до гроба!

Так ли это?

Давид любил Алену все свою долгую жизнь, но она с первого взгляда полюбила его брата и шла к нему, делала свои десять шагов, потом еще двадцать, и еще, пока не дошла... А Давид в это время шел в обратном направлении, он бежал от нее...

Четыре месяца назад брата не стало. Хватит ли им этой жизни, чтобы дойти друг до друга?

Содержание

Всему свое время	4
Для каждого дела под небом есть свой час	12
Время молчать	23
Время разрушать	32
Время жить	39
Время хранить	53
Время раскидывать камни	61
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Нелюбимый

Всему свое время

Алена не любила праздники. Она не могла понять, почему дорогим людям надо делать подарки только по случаю. Ведь каждый день – это прекрасный способ сделать что-то приятное другим и от этого стать счастливой самой.

Хотя последние четыре месяца о счастье и речи быть не могло.

Ее мужчины всегда обожали восьмое марта! И Алене приходилось подыгрывать им и с радостью и улыбкой принимать хрустящие тюльпаны.

Домработница заранее наполнила вазы водой и расставила в гостиной – знала, что цветов будет как обычно много. Так случилось и сегодня: три букета тюльпанов подарили сыновья и огромные красные розы принес курьер от дочки и зятя, которые вчера улетели отдыхать на Мальдивы.

— С праздником, родная моя! Я очень хочу тебя видеть счастливой! — Сашка вручил маме очередной, уже четвертый букет тюльпанов и продолжил: — Звонил Давиду. Будет с минуты на минуту!

Старший сын повесил куртку и обратился к спутнице, с

которой пришел:

— Проходи, Аленький, чего ты остановилась на пороге?

Девушка опустила голову, но потом резко подняла и посмотрела на Алену, как будто вспомнила:

— Здравствуйте. С праздником вас!

— Спасибо, Аля, проходи, очень рада, что ты наконец-то приняла приглашение и пришла к нам в гости.

Сашка выглядел счастливым. Он разулся и помог снять пуховик девушке.

Аля одернула юбку, было заметно, что она очень нервничает. Алена удивилась, ей казалось, что эта девушка настолько безэмоциональна, что нервничать из-за знакомства с возможно будущими родственниками точно не будет. Но Аля действительно выглядела растерянной и даже немного бледной.

Алена решила ее подбодрить:

— Алевтина, не переживай так, пожалуйста! Мы не кусаемся. Меня ты уже хорошо знаешь, а Давид и младшие братья Сашки тебя точно не обидят. Они давно мечтают с тобой познакомиться.

Алевтина кивнула и еле заметно улыбнулась.

— Идем, чем раньше познакомлю тебя с родней, тем быстрее перестанешь дрожать! — Сашка взял девушку за руку и повел в гостиную.

А Алена застыла в коридоре. Услышала шум на площадке и звук открывающихся дверей лифта. Она знала, что через

мгновение увидит Давида, брата ее покойного мужа. Мужчину, который любил ее.

И которого не любила она. Вернее, не так. Она его любила. Очень! Как брата, как друга, как родственника. Он был для нее родным человеком. Родным, да. Она так и успокаивала себя этим прилагательным. Ведь оно намного приятней, чем «нелюбимый».

Давид никогда не показывал своей заинтересованности, не позволял себе ни цепких взглядов, ни вздохов, ни единственного намека! Он так безгранично любил брата, что так же беззаветно и продолжил любить его счастье, когда тот женился. Знал ли Дима, покойный муж Алены, об этом? Алена была уверена, что он догадывался. И возможно, сам в этих догадках мучился и страдал, не хотел верить сердцу, прогонял прочь интуицию. Ну в самом деле, он же не мог отдать ее Давиду! Потому что, во-первых, знал, как жена его любит, во-вторых, без Алены он бы не прожил и дня!

Но все же он посмел высказаться жене о том, что был бы не против, если она останется с Давидом после его смерти.

Алена вспоминала слова мужа с болью. Даже с какой-то безразличностью. Она ведь не собачка, которую можно передать хозяину. Даже пусть и очень любящему, и доброму. Она тогда хотела резко возразить, но посмотрела в больные печальные глаза Димы и только мягко ответила, что не сможет никого любить, кроме него.

Минувшей ночью ей приснился жуткий кошмар. Она

вскочила вся мокрая, схватила стакан с водой, выпила его залпом и почувствовала — что-то случится. И оно будет связано с Давидом.

Сашка завел Алю в гостиную, подвел к двум одинаковым парням и представил:

— Это Игорь, это Илья.

Аля растерянно рассматривала мужчин и искала различия.

— Вот тут, видишь родинку? — Сашка ткнул пальцем в висок одного из братьев. — Это Игорь. А без родинки — Илья. Хорошие парни. Когда спят.

Все трое рассмеялись, но Аля даже не улыбнулась, а с опаской посмотрела в сторону прихожей, где открылась входная дверь.

Алена стояла на пороге и ждала Давида.

Какие цветы он сейчас ей принесет? Тюльпаны, как дарил всегда? Или постарается раздобыть сирень, как это делал ее покойный муж?

От его выбора сейчас зависело очень многое. Если он зайдет с букетом ее любимой сирени, это могло означать только одно: он хочет и готов занять место ее мужа.

Только вот Алена не была готова к этому. Не сейчас. И никогда. И разговора этого боялась больше всего на свете.

Как отказать? Это же так больно и обидно! Она же его потеряет. А ведь она его так любит. Он и Сашка понимали

ее без слов. По взгляду, по вздоху, по улыбке. Нет, она не хотела терять Давида. Только не сейчас, пожалуйста!

Дверь отворилась, и Алена увидела сначала букет, а потом и самого Давида. Он выглядел усталым: синяки под глазами, волосы взъерошенные с седыми висками, глубокие морщины у глаз.

Но он так по-доброму ей улыбнулся:

— Не знал, что подарить тебе! Мальчишки тюльпаны брали, сирень я не посмел тебе купить... вот... нарциссы... любишь?

— Конечно! — Алена приняла из его рук букет и вдохнула нежный тонкий медовый аромат. — Проходи, только тебя и ждем!

— Сашка со своей пассивностью уже тут? Как она тебе? — шепотом спросил он, повесив на вешалку пальто.

— Обыкновенная девушка, — пожала плечами Алена.

— Красивая? Наш Сашка красавец! Надо и девушку ему под стать! — рассуждал Давид, разуваясь.

— Ты серьезно? — Алена хмуро посмотрела на друга.

— Да шучу я! — засмеялся Давид.

В прихожую зашла домработница, Алена передала ей букет нарциссов, и они с Давидом зашли в гостиную.

— Дава, где ты ходишь? Твой любимый баранчик уже три раза остыл и сейчас выпрыгнет со стола и убежит! Договорились же на шесть! — Игорь взял с тарелки гренку со шпротой, целиком запихнул в рот и налил себе в стакан компот.

— Прожевать не забудь, а то один раз в детстве ты проглотил солдатику и нам пришлось вести тебя в больницу, — Давид пожал руку Илье, отобрал у Игоря стакан, немного отпил и подошел к Сашке: — Ну давай, знакомь меня со своей девушкой!

Аля стояла спиной, и, когда дядя похлопал по плечу Сашку, обернулась и посмотрела в глаза Давиду.

Стакан, который он держал в другой руке, соскользнул и упал на мягкий ковер.

— Какой я неуклюжий, — пробормотал Давид, поднимая с ковра хрусталь.

— Ну это не новость! — Сашка засмеялся и похлопал дядю по плечу: — Это Аля. Моя девушка! А это мой любимый дядька, которого все называют просто Давидом.

— Аля! — девушка протянула руку для знакомства, и мужчина рассеяно ее пожал, выдавливая из себя улыбку.

Алена все это видела, как в замедленной съемке: вот Давид кладет руку на плечо Сашке, в это время оборачивается Аля, они встречаются взглядами и на ковер летит бокал. Как итог — вишневая клякса на белом ковре и до смерти напуганные глаза Давида. Никто, кроме Алены, не увидел замешательство Давида и долгий выжидающий взгляд Али. Это был взгляд кошки, отслеживающей воробья.

Все уселись за стол, подняли тост за женщин и стали накладывать в тарелки закуски.

Алю посадили с одной стороны от Алены, с другой был

Сашка. Давид же сидел напротив них. Он растерянно и как-то безучастно ковырнул еду вилкой и поднес ко рту. Его взгляд был задумчивым и немного раздраженным. На Алену он не смотрел. Он как будто отключился, поедая нелюбимый салат.

Алена хотела промолчать, но не смогла:

— Как давно ты полюбил оливье? — спросила она, даже не улыбнувшись.

Давид сглотнул, кинул взгляд на Алену, потом вниз, как будто увидел содержимое своей тарелки впервые, и, продолжая ковырять салат, ответил:

— Горошек сегодня мягкий, мне нравится.

Алена поднесла полную вилку ко рту, прожевала и заметила:

— Да. Сегодня он получился особенным. Исключительно вкусным!

Краем глаза она наблюдала за Алей, которая за последнюю минуту уже, наверное, раз пятый вытерла губы салфеткой.

Игорь с Ильей завели разговор про путешествия, Сашка стал в очередной раз восхищаться Кенией, Давид пытался следить за их разговором, даже несколько раз кивнул близнецам, что согласен с их точкой зрения, но в мыслях был очень далеко.

Попрощался он со всеми внезапно: поднес телефон к уху, а потом вдруг сказал, что ему срочно нужно идти, и убежал

в прихожую.

Сашка пошел его провожать, Аля в это время выпрямила спину и еще раз промокнула губы салфеткой.

Уже перед сном, раз за разом прокручивая в голове этот эпизод, Алена все больше уверялась в том, что Аля и Давид знакомы.

И пугало ее не их знакомство, а то, что Аля знала и была готова к тому, что сегодня она увидит Давида.

Она ждала его. Поэтому так и нервничала, поэтому тербила подол юбки, вытирала губы салфеткой и почти ничего за вечер не съела.

Для каждого дела под небом есть свой час

Больше всего сейчас Алена не любила засыпать и просыпаться.

Сто двадцать два дня как ей не хотелось возвращаться в этот мир, и страшным было то, что она знала — ничего не изменится. Лучше не будет. Время не лечит. Оно как мазь от ожогов — только притупляет боль. Но шрам все равно есть, он тянет, ноет, зудит.

Время — это просто наркотик, который делает боль не такой острой, отвлекает, подсовывает новые проблемы. Как малого ребенка, чтобы он не плакал, увлекают игрушками, так и взрослых время пытается заманить новыми знакомствами и перспективами. А перед сном оно теряет эту власть, раны открываются, боль возвращается, тело саднит и ломит.

А утром нужно начинать все сначала. Алена просыпалась и опять пыталась... нет, не забыть его... Она пыталась жить, дышать без любимого мужа. Но случайный запах его парфюма или любимая фраза из кинофильма опять и опять возвращали ее назад, взрывались, кололи острым ножом в сердце, теребили душу.

Алена каждый день уговаривала себя, что нужно еще

немного времени, и она обязательно научится. Научится жить без него, дышать, улыбаться. Но она знала, что не научится, а будет просто существовать.

Хотя для счастья у нее было все: пятеро детей, внучка и лучший друг, брат ее покойного мужа, — Давид.

Только счастье-то у всех разное, и главное в том, что она знает, какое оно на вкус и на ощупь. Оно пахло Димой. Оно было Димой.

Он умирал два года. Вроде бы за этот срок все смирились и со страшным диагнозом, и с обреченностью, но, когда его не стало, жизнь стала совсем другой. И с этим ощущением Алена просыпалась по утрам, смотрела на подушку рядом и скулила, как маленькая собачонка.

Дети делали все возможное, чтобы воскресить маму, но это было неподвластно даже самому всевышнему.

Но Алена училась. Каждый день она училась жить и улыбаться. И у нее даже получалось, особенно на людях, особенно для Сашки.

Алена очень надеялась, что когда он встретит свою любовь, мама перейдет на второй план и его гиперопека сойдет на нет. Однако Сашка уже четыре месяца как был влюблен, но продолжал контролировать Алenu: что ела, куда ходила, как себя чувствует.

Сашка даже вывез ее в Кению и там впервые познакомил с девушкой. Он для Алены был больше чем сыном. И это знали, вернее чувствовали все дети. Даже удивлялись, ведь

они были Алене родными, а Сашка – приемным.

Он появился в ее жизни, когда ему было десять, и стал не просто сыном, но и отдушиной, другом, помощником и даже иногда защищал ее как мужчина.

Потом родились близнецы – Игорь и Илья: одинаковые с лица и абсолютно разные по характеру. Им в следующем году уже тридцать!

Такие взрослые уже и самостоятельные! Алене даже не верилось.

Через пять лет родился Ванька – очень одаренный мальчик. Три года назад он уехал учиться в Америку, ему там очень понравилось, и пока возвращаться он не собирался.

А еще через год Алена родила Дашу. Эта девочка очаровала всех мужчин в округе, хотя ее с трудом можно было записать в красавицы. Да и сейчас, когда Алена смотрела на дочь, всегда думала: красота ничего не значит в нашем мире!

Когда родилась Даша и Алена ее в первый раз увидела, она разревелась. Дочка была совсем не похожа на своих братьев-красавцев. Те были копия папочка: синие глаза, темные волосы, пушистые ресницы. Даша же - сморщенный комочек с маленькими безликими глазками, длинным лягушачьим ртом и острым носом. Она была похожа на мать, но в отличие от нее никогда не считала себя дурнушкой.

— Я самая красивая и умная девочка на свете! — говорила она всем при знакомстве.

— Еще и скромная, — шутила над ней Алена.

Это чувство превосходства ей с детства привили любимые мужчины: папочка, Давид и четверо братьев. И она действительно ни на секунду не сомневалась в своей безупречной внешности.

Алене же родители с детства втоарили, что она уродина, поэтому она знала свое место и никогда не выпячивалась, наоборот, сидела как забитая мышь и боялась пикнуть. Диме стоило невероятных усилий заставить жену поверить, что она – само совершенство. И вроде бы ему это удалось и при нем Алена действительно чувствовала себя самой желанной, но сейчас опять все изменилось. Она смотрела на себя в зеркало и понимала, что это он делал ее красивой, он зажигал огонь в ней: своей любовью, горячими взглядами, жаркими поцелуями, нежными прикосновениями.

И сейчас этого огня нет, он потух вместе с последним выдохом любимого мужа.

А ведь ей все пятьдесят четыре. Но как жить без огня в душе? Без желания вставать по утрам? Без Димы?

Сегодня же Алена проснулась и сразу вспомнила прошедший вечер.

С одной стороны, она себя успокаивала себя тем, что ничего особенного не произошло. Ну знакомы Давид с Алей... И что? Мало ли, где их судьба свела?

Но, с другой стороны, она понимала, что Аля была готова ко встрече с Давидом, а он – нет. Значит, она ее, эту встречу, сама и подготовила.

Алена привсталась на постели и стала вспоминать все детали, все мелочи, о которых они с Алей разговаривали в Кении.

Эта девушка Сашке поначалу представилась Аленой. Больше месяца сын называл ее Аленушкой, она с радостью откликалась на это имя, а когда он познакомил ее с матерью, сказала:

— Знаете, давайте лучше вы меня оба будете называть Алей, чтобы не запутаться.

— Алей? — удивился Сашка. — Почему?

— Мое имя в паспорте — Алевтина.

Поначалу Алена не удивилась, ведь ее имя в паспорте — Елена, да и на то, чтобы называть себя иначе, всегда есть причины. У Алены это было детство, где родители и сестра не любили ее. Поэтому когда она сбежала от них в Москву, решила поменять не только город, но и имя. Но потом Алена узнала, что Алевтину никто никогда не называл Аленой, всегда Алей. И причина, почему же все-таки при знакомстве с Сашкой она называла себя иначе, висела в воздухе.

Сейчас же у Алены появилась первая версия. И скорее всего, эта версия была верной.

Сашка познакомился с Алей, когда она пришла к ним домой, чтобы поставить капельницу болеющему и умирающему Диме. Медсестры и врачи тогда были частыми гостями, к тому же постоянного медперсонала не было, поэтому в доме никто не стремился запомнить их имена.

Алена плохо помнила то время. Она ходила по квартире как тень, боль предстоящей утраты убивала ее. Только в спальне с Димой, когда она обнимала его или держала за руку, она оживала.

Сашке и Давиду тогда выпала сложная задача. Кроме такой же боли от предстоящей утраты самого родного человека они еще должны были заботиться об Алене, поддерживать ее, утешать и находить нужные слова.

Возможно, Аля увидела, как нежно сын любит маму, и, чтобы обратить на себя внимание, назвалась ее именем — Аленой. Наверняка Сашка после этого совсем по-другому посмотрел на приходящую медсестру. Более внимательно.

Алена пыталась сейчас напрячь память и вспомнить, где же в это время был Давид. Ведь если они познакомились только вчера, по крайней мере сделали вид, что не знают друг друга, то скорей всего Аля тогда Давида не видела. Или нет. Она-то его, скорее всего, увидела и узнала, а вот он ее даже не заметил.

Та поездка в Кению действительно отвлекла Алену. Мать обрадовалась и предвкушала встречу с девушкой старшего сына, которому через год сорок, а он даже не влюблялся ни разу.

Сын оказался прав - эта поездка настолько озадачила Алену, что она и по сей день искала эту разгадку: чем же Аля привлекла Сашку.

Мать видела, что он влюблен, его глаза горели, он был готов сорвать все звезды для любимой. Но вот Аля...

Алене даже трудно было описать ее отношение к Сашке.

Есть женщины, которые позволяют любить, принимают эту любовь как подарок и благодарят. Есть те, которым это не надо, они отказываются и ждут взаимного чувства от другого человека. А Аля была из тех, кто принимала, рассматривала и спокойно откладывала в сторону, даже не поблагодарив.

Она держала его сына на расстоянии. На расстоянии своего сердца и своей жизни.

Сашка был прекрасной партией для любой девушки: красив, статен, умен, состоятелен, добр, галантен...

Но девушка не проявляла к нему никакого интереса, хотя жила с ним в одном номере, спала с ним в одной постели, они часто держались за руки. Но их отношения нельзя было назвать теплыми, и Алену это очень беспокоило. И еще то, что почему-то Сашка позволял ей это, что было очень странным. Он ведь привык видеть в их семье настоящую любовь, искренность, теплоту. Не может быть, чтобы он не замечал разницы. Замечал. И принимал.

Алена вспоминала, как ей было трудно просто сидеть рядом с Димой. Ее всю трясло, дыхание сбивалось, пульс учащался, голос предательски дрожал, а иногда совсем пропадал. А Аля сидела абсолютно спокойно, иногда даже не следила за разговором.

Алена себя тогда успокоила тем, что не могут все люди

любить одинаково. У каждого это чувство проявляется по-разному, и судить девушку за то, что она не так реагирует на любимого человека, нельзя.

Но, как оказалась, ее интуиция не подвела.

Алена просунула ноги в пушистые тапки и встала с кровати. Она посмотрела на часы, потом на пустую подушку, где раньше спал Дима.

Если бы он был жив, она обязательно рассказала бы ему о своих мыслях и подозрениях. Двух недель в Кении ей хватило, чтобы увидеть, а вернее не увидеть в глазах Алевтины любовь к Саше.

Дима обязательно прислушался бы к жене и разузнал полную информация о девушке.

Алена вновь погрузилась в воспоминания. Тогда, в Кении, она пыталась мягко, как она умеет, узнать у Али, откуда она, чем увлекается, о чем мечтает. Но девушка ответила:

— Я из детского дома. У меня была сложная судьба и я не люблю о ней не рассказывать. Мечтаю? — она сделала небольшую паузу, но не для того, чтобы обдумать свою речь.

Алена тогда поняла, что эта девушка уже давно поставила себе цель и твердыми шагами шла к ней:

— Даже не знаю... У меня нет мечты.

— А я хотел когда-то стать первоклассным сыщиком. Типа Ватсона, — засмеялся Сашка, — даже изучал дедуктивный метод.

Алена улыбнулась:

— Обожаю такие задачки!

— Ну это понятно. Чей же я еще сын? — он обнажил белые ровные зубы. — Давайте проверим вашу дедукцию? В темной комнате двадцать пять черных носков и тридцать фиолетовых. Сколько нужно взять носков, чтобы образовалась пара?

У Алены сразу загорелись глаза. Она действительно обожала задачки на сообразительность. Но у нее даже пары секунд не было подумать, потому что Аля сразу ответила:

— Три.

И при этом не улыбнулась. Она не проявила никакой реакции! Сплошное равнодушие: сказала и отпила из чашки чай.

— Так, а почему три? — вслух проговорила Алена и сразу догадалась: — А, ну да, все верно! Это же пара и у нас всего два вида носков.

Сашка с восхищением посмотрел на свою спутницу. Они втроем сидели у открытого огня во дворе гостиницы в парке Масаи Мара, ели какие-то экзотические закуски и любовались яркими звездами. Атмосфера была завораживающей, можно сказать, сказочной, располагала к откровенной беседе.

Но Аля была настолько равнодушной ко всему!

Взять даже утреннее сафари! Алена никогда не думала, что ей так понравится просто ездить на машине с рейндже-

ром и смотреть, как в дикой природе живут животные: наблюдать за ними, выискивать их сквозь заросли экзотических растений. Они с Сашкой как малые дети радовались, когда слоны прямо перед ними перешли им дорогу, или когда жирафы пришли на водопой, смешно расставили ноги и наклонили свои длинные шее к воде.

А Алю ничего не трогало. Она не крутила головой в поисках животных, не радовалась, когда в пяти метрах они увидели леопарда, который вальяжно разлегся на дереве и наблюдал за ними, она без энтузиазма пробовала новую еду. Вообще все, что она делала, было автоматическим и напоминало усталого робота.

Может, у нее жизнь была ужасной? Может, она настолько разочарованна, что и не верит, что может быть лучше?

Но разве сейчас не тот самый шанс? Чтобы попробовать забыть старое и начать новое?

Это ее полнейшее равнодушие убивало Алену, и она даже про себя прозвала ее холодной лягушкой. Именно жабу ей Аля и напоминала. А может, оно напускное? Может она, прячется от всех? Боится, что ей сделают больно?

Алена прошла в ванную и принялась чистить зубы.

Вдруг опять вспомнила взгляд Али в сторону Давида.

Нет, это девочка сюда пришла за ним! За Давидом! Потому что Сашка для нее был просто переходным пунктом.

Алена сполоснула щетку, поставила ее на зарядку и вни-

мательно посмотрела на себя в зеркало.

Хотя нет, это бред. Аля могла сразу подобраться к Давиду. Зачем ей этот перевалочный пункт? Для чего? Для подстраховки? Или как запасной вариант? А может, она была уверена, что Давид сразу откажет ей и у нее не будет шансов? А так она будет вхожа в их дом...

От этой мысли ей стало не по себе, даже мурашки побежали по телу.

«Надо срочно поговорить с Давидом!» — подумала Алена и решительно направилась одеваться.

Время молчать

Алена спустилась на лифте на парковку и подошла к автомобилю. Ей навстречу сразу выскочил мужчина лет сорока и открыл заднюю дверцу.

Ах да, Сашка вчера ей сказал, что у старого водителя проблемы на родине и, пока его нет, у Алены будет... как его имя? Она совсем забыла, как зовут нового водителя, а спрашивать посчитала чуть постыдным и приказала вести ее в офис к сыну.

— Александр Дмитриевич уехал на сделку, — доложил ей шофер, — будет только после обеда.

— А Давид Валентинович в офисе?

— Да.

— Поехали к нему.

Машина плавно выехала с парковки, а Алена вздохнула. Она не любила новых людей, не любила новые знакомства. И вдруг замерла.

Потому что стало лихорадочно думать, как могли познакомиться Давид с Алей.

В офисе? Может быть, по работе? Она патологоанатом, возможно, кто-то из клиентов заказал расследование и тогда они и познакомились? Нет. Давид уже давно стал отходить от дел и почти всеми клиентами занимался Сашка. Тогда бы

они познакомились совсем не так и Сашка бы ее тоже знал.

Где еще? Все вечера Давид проводил дома с ними. Алена и дети были его семьей.

Получалось, что Аля была его женщиной. Бывшей. Хотя у него все были бывшие, у Давида не было постоянной женщины. Все дамы у него были на одну ночь, и Алена это знала: как-то давно еще Дима проговорился, что брат не хочет ни к кому привязываться. Он пользовался несколькими эскортными агентствами, и сейчас Алена была точно уверена, что Давид и Аля когда-то были вместе.

Да, возможно, на одну ночь. Но были!

«Что же в этом такого страшного?» — спрашивала она сама себя.

Ну были? И что? Может, это было лет десять назад?

Но Алене было неприятна даже мысль, что они были любовниками. Нет, это была не ревность! Это был страх за сына, что он выбрал себе в спутницы жизни женщину с грязным прошлым!

Когда она вошла в кабинет, Давид не сидел за столом, как обычно бывало, а бил боксерскую грушу. Судя по красному вспотевшему лицу, он бил ее уже долго. В костюме от Digel. Увидев Алену, он нахмурился, кивнул в знак приветствия и, взяв со стула полотенце, направился в другое помещение, где располагались гардеробная и ванная комната. Вернулся он уже в другом костюме и даже попытался улыбнуться:

— Какими судьбами? Давно ты сюда не заезжала.

— Да повода не было. А вчера появился.

Давид ухмыльнулся и присел на свое кресло напротив Алены.

— Я весь внимание! — он сделал попытку улыбнуться, но она вышла вымученной и фальшивой.

— Даже не собираюсь юлить, — начала Алена, но он ее перебил.

— И правильно. Никогда этого не делала и не стоит начинать.

— Ты ведь был знаком с Алей до вчерашнего дня?

Давид выдержал тяжелый взгляд снохи и спросил:

— С чего ты взяла?

— Ты тоже никогда не юлил. С чего вдруг решил начать?

Давид закинул ногу на ногу.

— Ты всегда была та-а-ак аккуратна в выражениях и никогда не лезла в чужие дела, с чего вдруг начала?

— Потому что у меня был мужчина, который решал за меня все проблемы. Сейчас его нет. И я пришла к тебе за помощью.

Этот диалог был отвратителен для обоих. Давид никогда не позволял себе так разговаривать с Аленой. И то, что он позволил сейчас, не только обидело ее, но и сильно напугало. Но и Алена никогда не лезла в чужие дела и презирала сплетни, поэтому ее вторжение в его личную жизнь он воспринял в штыки.

— Это мой сын. И мне хочется знать, что за человек рядом с ним.

— Он и мне как сын, и ты сама прекрасно знаешь, как я его люблю. Но ему сорок! Неужели ты думаешь, что он сам не разберется со своей личной жизнью?

— Надеюсь, разберется. Но я пришла сюда не к нему, а к тебе. Хочу поговорить про Алю...

— После поездки из Кении ты сказала, что она обычная девушка. Что изменилось?

— Хорошо! — Алена кивнула, понимая, что лучше рассказать обо всех подозрениях. — Я не знаю, понял ли ты это, но я уверена, что она пришла вчера в наш дом за тобой. Вернее, к тебе.

По изумленному лицу Давида было заметно, что он так не думает: он сначала замер, потом опустил взгляд на стол, потом поднял на Алену.

— С чего ты взяла?

— Они познакомились с Сашкой, когда еще Дима был жив.

Давид кивнул:

— Я знаю эту историю.

— И ты помнишь ее? Я имею в виду в роли медсестры, которая приходила к Диме ставить капельницы?

— Нет.

— А она тебя видела. И узнала. И... точно не уверена, Давид, какая у нее цель... но вчера она пришла к нам в дом,

чтобы увидеть тебя. Вы были любовниками?

Давид потер пальцами переносицу, нахмурился, встал и начал ходить по кабинету.

Алена знала эту его привычку. Когда он нервничал, он расхаживал и думал. Потом закрывал ладонями лицо, а когда сбрасывал их, у него уже было решение. Так же произошло и сейчас. Он снова сел в кресло, закрыл лицо руками, затем взъерошил седой ежик волос и ответил:

— Это было один раз.

Алена кивнула:

— Да, я знаю, что женщины у тебя больше одного раза не задерживаются.

— Это не так!

— Неважно, Давид. Я здесь не для того, чтобы учить тебя жизни и читать лекции о нравственности. Я для того, чтобы уберечь Сашку. Подтверди, пожалуйста, мои подозрения... она была проституткой?

Он ответил не сразу:

— Нет... Не знаю.

Затем опять вскочил с кресла и стал ходить по кабинету.

— Можешь собрать на нее информацию? — попросила Алена.

Он остановился и кивнул:

— Сам собирался это сделать.

— Надо так, чтобы Сашка ничего...

Давид ее довольно резко перебил:

— А то я не знаю, как действовать!

Алена понимала, что Давид расстроен не меньше чем она, но все же не ожидала, что он так грубо с ней обойдется.

Она поднялась и направилась к выходу, когда дверь за ней почти закрылась, она услышала его «Прости!».

Алена села в автомобиль и разрыдалась.

Давно она не чувствовала себя такой... бессильной. Когда-то, много лет назад, она была волевой, выносливой и рассчитывала только на свои силы. Но когда в ее жизни появился Дима, он все взял на себя. И она так к этому привыкла, что расслабилась и просто шла по жизни и получала удовольствие. Все тревоги и проблемы были где-то далеко и не касались даже ее подошв. А теперь она должна забыть об этой жизни и вновь становиться сильной. Только где взять эти силы? Она была как пустой сосуд. Вся энергия ушла на спасение мужа, но его больше нет, она совсем одна, а кроме него, ее никто не мог наполнить.

Давид чувствовал себя таким же пустым. Дима для него был не просто братом и даже не лучшим другом, это был человек, с которым он провел всю свою жизнь. Ему хотелось выть от безысходности, наблюдая, как единственный друг угасает на его глазах, а уж после его смерти Давид совсем сдался, потерял всякий интерес, жил как в оцепенении, не испытывая прежнего вкуса к жизни и не наслаждаясь даже родными людьми, которые были рядом.

Давид попросил секретаря приготовить ему кофе, а сам подошел к буфету и налил себе виски. Немного пригубив, он брезгливо поморщился и понял, что этот бокал его не спасет. Он отложил его, а сам уселся на кожаный диван, стянул с себя галстук и закрыл глаза.

Разбудил его Сашка, который зашел с огромным букетом и, кивнув на цветы, спросил:

— Красивый? Или сто одну розу подарить, как думаешь?

Давид потер глаза.

— Смотря для чего.

— Хочу предложение Але сделать.

— Сегодня?

— А чего тянуть?

Давид расстроился, и Сашка это заметил:

— погоди, не вы ли мне уже лет пять заливаετε, что мне пора жениться и завести детей? Дава, мне сорок в следующем году. Когда, если не сейчас?

Дядя молчал и хмурился. Потом поднялся с дивана и попытался подобрать правильные слова, чтобы племянник не обиделся.

— погоди! — Сашку вдруг осенило. — Тебе не понравилась Аля?

Давид отвернулся, чтобы он не заметил его раздраженного лица, и направился к своему столу.

— Потому что она некрасивая, да? — спросил Сашка.

Давид резко остановился и обернулся:

— Думай что говоришь!

— Ну а что еще думать? Мама тоже не в восторге от нее, хоть и держит это в себе. Но я-то ее знаю... может, я чего-то не вижу, что заметно вам с мамой?

— Я просто думаю, что ты спешешь. Сколько ты ее знаешь? Четыре месяца?

— А ты когда женился на Наде, сколько вы были знакомы? Месяц?

Давид растерялся, он не знал, что ответить. Да, они были знакомы всего месяц, но это ведь была любовь с первого взгляда, с первого вздоха! Они были так молоды, ему еще и тридцати не исполнилось, а Наде всего двадцать три было! Наверное, так счастлив, как тогда, он никогда не был...

— Прости. Я не хотел теревить давно зажившие раны... мне очень жаль, что все так вышло... Наверняка, если бы она не погибла, ты бы был с ней. И был бы счастлив.

— Я понял, что она моя, с первой секунды, понимаешь? И был с ней не потому, что меня кто-то упрекал, что мне сорок и я не женат, а потому что дышать без нее не мог.

— Откуда ты знаешь, могу ли я дышать без Али?

— Я вижу. Можешь. И полной грудью. И... — Давид запнулся, но все же решил продолжить, — и в ее глазах я не увидел ни грамма любви к тебе.

— Просто она очень спокойный человек.

— А может, безразличный? Или черствый?

— Я так и знал! — крикнул Сашка, — она тебе не понра-

вилась!

— Сашка! — Давид подошел к племяннику ближе, — пожалуйста, не спеши! Давай еще недельку-две подождем?

— Я понял! — Сашку вдруг осенила догадка. — Ты хочешь на нее информацию нарыть, да?

— Если бы хотел, то за четыре месяца уже столько бы нарыл, что ты бы не унес!

— Ничего у тебя не получится! Я женюсь на ней! Понял? И он схватил со стола букет и выбежал из кабинета.

Давид схватился за голову, затем прикрыл глаза ладонями. Ему нужно было действовать, а сил не было. Он обреченно смотрел в темноту и видел безысходность. Тьма исходила из его закрытых глаз, клубилась, но не рассеивалась между тяжелым дыханием, а давила, заставляла думать и принимать решения.

Через пару мгновений он сосредоточился, позвонил своему лучшему сыщику и дал задание узнать всю информацию по Алевтине.

Время разрушать

Сашка сел в автомобиль, грубо бросив букет на пассажирское сиденье, и опустил руки и голову на руль.

Он уже принял решение сделать предложение Але и менять его не собирался. Но сейчас его что-то удерживало от этого поступка, и он не мог понять что. Интуиция? Или разговор с Давидом?

Он завел движок, достал телефон и набрал номер.

— Привет, Аленький, не отвлекаю?

— Нет.

— Мне надо тебя увидеть.

— Надо — приезжай.

— Куда? В морг?

— Я тут работаю, если ты не забыл.

— Я помню... а ты можешь на полчаса в кафе отпроситься?

— Через час.

— Договорились. Тогда через час в кафе на Вавилова. До встречи.

Аля отключила телефон, а у Сашки скрутило живот. У него всегда так было, когда он волновался.

Он выехал и через полчаса был уже возле кафе. Зашел, заказал американо с молоком и уставился в окно.

Аля шла не спеша. С виду обычная девушка: худенькая, незаметная, скромная. Она не носила яркую одежду и не делала кричащий макияж. Может быть, именно этим она его и привлекла. И еще именем, которым представилась при знакомстве, — Алена! Так звали главную женщину в его жизни — мать. Да и внешне Алевтина была похожа на нее: худая, с бледным лицом, маленькими глазами, правда у девушки они были глубоко посаженные, впалыми щеками и длинным ртом. Она была некрасивой. Да, именно так он и подумал, когда увидел, и даже про себя пожалел ее. Но зачем-то на следующий день, когда она пришла к отцу во второй раз поставить капельницы, предложил провести до дома. Ему понравилось в ней еще то, что она не пыталась ему понравиться, не пыталась произвести впечатление, как это делали другие девушки. Она в основном молчала и только иногда улыбалась, если его шутки были действительно смешными.

Чуть позже он узнал, что Алевтина, как и его мать, родилась пятого мая. И опять подумал, что это знак... А потом он, кажется, влюбился в нее...

Он и сам не заметил, как стал зависим от ее общества. А она какое-то время держала оборону, но в Кении сдалась. По крайней мере допустила его к своему телу, и, как ему показалось, и в душу.

— Привет! — она уселась на стул напротив него, даже не поцеловав в щеку.

Сашка протянул ей роскошный букет хризантем, Аля спо-

койно приняла его и положила на стул рядом.

— Ты говорила, что у тебя нет любимых цветов... поэтому я решил немного разнообразить свои букеты, чтобы посмотреть, какие из них тебя действительно трогают. Смотрю, что хризантемы совсем не нравятся, да?

Аля кинула взгляд на букет и ответила:

— Нет, почему же, они красивые.

Сашка не понимал, как действовать. У него было много разных девушек, но такой, как Аля, не было никогда. Ее спокойствие или, лучше сказать, равнодушие заставляли его совершать такие действия, которых он раньше не делал: он всеми силами пытался ее рассмешить, иногда играл такого клоуна, что самому за себя стыдно было, или еще мог унизиться. Совсем недавно он ее хотел поцеловать, а она отвернулась. Тогда он стал умолять ее, чтобы она позволила поцеловать себя. Все это было неприятно вспоминать, но вместо того, чтобы сделать какие-то выводы и перестать вести себя как надоедливый поклонник, он продолжал и продолжал ее добиваться.

Сейчас у него что-то щелкнуло в голове. Что-то вроде обиды: она так брезгливо посмотрела на его цветы!

Он допил кофе, достал из кармана пиджака красную коробочку, положил на стол и сказал:

— Я предлагаю тебе руку и сердце. У тебя есть два дня на раздумья.

Он встал, достал из кошелька деньги и подложил под чаш-

ку.

— Это ультиматум какой-то, а не предложение.

— Аля, я устал. Твое равнодушие меня просто убивает. Не нравлюсь — так и скажи, зачем ты дергаешь меня за ниточки? Я не мальчик!

Аля встала, еще раз кинула взгляд на коробочку и букет и сказала:

— Я не выйду за тебя. Я тебя не люблю. Неужели ты этого еще не понял?

Сашка готов был взорваться! От возмущения он вдохнул, а выдохнуть забыл, и поэтому даже раскашлялся. Волна ярости резко накатила, накрыла с головой, закутала в плотный кокон. Он был настолько зол, что еле справился с гневом, который выжигал его изнутри.

— А зачем тогда ты со мной в Кению поехала? Зачем с моей семьей познакомилась? Какого черта тебе это все надо было?! — не стесняясь посетителей в кафе, кричал он.

— Ты попросил.

Сашка растерялся, он смотрел на нее и не мог поверить во все то, что сейчас происходило. Но за мгновение он совладал с собой и, схватив с вешалки куртку, выбежал из кафе.

Домой ему ехать не хотелось. И в офис тоже. Более двух часов он просто колесил по городу, но потом все же решил поехать домой. Сначала у него была идея рассказать маме обо всем, что случилось, но, боясь ее расстроить, он отло-

жил эту затею. Зачем ее расстраивать? Сашка до сих пор не понимал, была ли мама рада его отношениям с Алей. Вроде в Кении они нашли общий язык, он видел, что они иногда болтали, как старые добрые подруги. Но вчера за столом атмосфера была напряженной.

Алена сразу заметила подавленное настроение сына и поинтересовалась:

— С Алей поссорился?

Сашка отвернулся и пробурчал:

— Все кончено. Она отказала мне, призналась, что не любит.

— Отказала? Ты сделал ей предложение?

Сын кивнул, и Алена подошла и обняла его со спины.

— Представляю как тебе больно сейчас... только, пожалуйста...

Она замолчала, потому что не знала, что посоветовать сыну. Не убиваться по ней? Не брать близко к сердцу? Плюнуть на нее? А разве можно по щелчку пальцев это сделать?

Нет, ему все равно придется это пережить, пропустив через себя, прочувствовав боль и разочарование.

— Мальчик мой, мне так жаль!

Он взял ее руки в свои и сказал:

— Все терпимо, ма, я это переживу. Да, больно, но лучше сейчас узнать, что она меня не любит, чем через десяток лет...

— Тоже верно.

Сашка повернулся к Алене и спросил:

— Есть что-нибудь поесть?

— Конечно, пойдем накормлю!

К вечеру, Алена, как обычно, ждала своих мужчин с работы. Но сначала позвонил Игорь и сказал, что они с Ильей задержатся допоздна на работе. Потом позвонил Давид, сообщил, что у него дела, и попросил не ждать к ужину. Его квартира находилась двумя этажами ниже и если бы он хотел, то забежал хотя бы на чашку чая. Но, видимо, ему было не до этого...

Сашка после того, как поел, закрылся в своей комнате и не выходил. Алена не хотела его тревожить, понимала, что тут поможет только время.

Это был первый вечер за несколько десятков лет, которые она провела в одиночестве, в своей комнате. Уже в своей — а когда-то это была их спальня с Димой. Она сидела на кровати и думала о том, чего боялась больше всего. Всю их огромную семью, эту гигантскую машину, вращал Дима. Он был сердцем, он был вечным двигателем: подбирал ключи, направлял, заводил нужные шестеренки, находил нужные слова, поддерживал и всегда контролировал ситуацию. Знал, где нужно масло в огонь добавить, где песок на пламя посыпать. После его смерти эта громадина еще какое-то время крутилась по инерции, а сейчас все стало рушиться: сте-

ны задрожали, крышу покосило, все стало валиться, увлекая и погребая под обломками старую счастливую жизнь.

Она чувствовала, что очень скоро у нее ничего не останется: все разбегутся и она останется одна. Ее лицо горело, но слез не было.

Алена всегда любила анализировать и сейчас пришла к только одному выводу: значит, она это заслужила...

Время жить

Это утро было намного лучше, чем прошедший вечер.

Алена проснулась от шума родных голосов: в коридоре что-то обсуждали Игорь с Ильей. Старались говорить шепотом, но Алена все равно услышала, и когда она вышла в прихожую, они уже обувались.

— Доброе утро, мамуль, разбудили все-таки? Мы уже позавтракали, дел невпроворот, вечером не жди, у нас презентация, — доложил Игорь.

— Если хочешь — приходи, будет интересно! Давид с Сашкой обещали быть. У тебя какие планы на сегодня? — спросил Илья.

Алена протерла глаза ладонью, заметив, что зрение стало падать.

— Я на работу поеду на полдня. А там посмотрим. А что за презентация? Это того сервиса, над которым вы уже год работаете?

— Не год, а всего семь месяцев, — возразил Игорь. — Да и не в полную силу. Только последний месяц был ударный. Так что приходи — увидишь!

— Я постараюсь, — пообещала Алена.

Близнецы не сразу нашли свое пристанище в бизнесе. И это при том, что их отец мог поддержать любое их начинание

и помочь не только идеей, но и вложением капитала.

Однояйцевые близнецы — совершенно специфические люди. Абсолютно разные и по характеру, и по увлечениям, они до окончания школы держались вместе. Конечно, частенько случались и ссоры, и драки, но они быстро мирились, потому что чувствовали, что нуждаются друг в друге, что не могут быть сами по себе, потому что каждый из них — часть общего «мы».

После окончания школы Илья поступил в Строгановку, на факультет декоративно-прикладного искусства кафедры «Художественное стекло». В старших классах он серьезно увлекся витражами и по окончании института проработал несколько лет реставратором художественного стекла. Радости эта работа не приносила, и тогда он решил поменять профиль и продолжил учиться графическому дизайну. Это направление вдохнуло новую жизнь в Илью. Сначала он с головой окунулся в анимацию: титры к кинофильмам, трейлеры, коммерческие промо-ролики, также ему доставляло удовольствие работать над проектами буклетов и каталогов. Там его неумная фантазия находила выход и очень часто шокировала и учителей, и первых заказчиков.

Когда он получил диплом и по этому направлению, Игорь, который к тому времени закончил обучение в IT-сфере, предложил скооперироваться и сделать один общий продукт. Он к тому моменту уже два года как работал над программой проектного обучения, и вместе с Ильей они раз-

работали сервис для организации группового обучения онлайн. За красоту проекта отвечал брат, Игорь взял на себя технические задачи. Проект оказался успешным, и близнецы продолжили работать вместе. За пять лет они создали более десяти проектов, где были и «доски желаний», и «майндкарты», и другие удобные сервисы для презентаций.

Сейчас же они трудились над «живым» проектом, который был для них в новинку. Идея пришла, как обычно, Илье, а Игорь ее реализовал: они выкупили просторное помещение в Сити с шикарным видом на город и сделали из него технический центр, который собирались сдавать в аренду крупным компаниям для презентаций. Зал для этих представлений был интерактивным с огромными экранами и спецэффектами. Каждый экран был как уникальный холст, где различные идеи выражались через яркие цвета и формы. Также версии презентаций выходили в онлайн.

Выгодным для братьев было еще то, что сами презентации тоже ложились на их плечи, а это значит, и в кошелек падали немалые деньги.

— Мам, пожалуйста, приходи! Это очень красочный проект, тебе понравится, - попросил Алену Илья.

— Я не сомневаюсь, что это самый гениальный проект в мире. Только я мало что понимаю в этом...

Илья перебил маму:

— Вот тут ты ошибаешься! Мы сегодня покажем, что в этом зале можно обсуждать и решать не только миллионные

проекты компаний, но и обычные задачи. Например, интерьер-дизайн новой квартиры! Или генеалогическое древо!

Алена засмеялась:

— Ну если само генеалогическое древо там можно нарисовать, то я обязательно приду!

Алена проводила близнецов и направилась сначала в комнату старшего сына, затем в гостиную. Сашки нигде не было.

Алена не спеша позавтракала и сделала легкий макияж. Остановившись посреди гостиной, она решала, чем ей сегодня заняться. Может, поехать на работу? Она совсем забросила свой бизнес: два года Дима болел и она практически не появлялась на работе, да и после его смерти не могла себя заставить ходить туда. Хотя это когда-то была ее любимая работа – салон красоты «Афродита», который ей подарил муж много-много лет назад.

Сейчас Алена понимала, что нужно продолжить заниматься любимым делом. По крайней мере это будет лучше, чем находиться дома, ничего не делать и снедать себя воспоминаниями о счастливой жизни. Да и от Сашкиных проблем надо тоже было куда-то бежать, они просто разрывали ей душу. Но каждый день ездить в салон ей было в тягость. Ее бизнес казался уже каким-то чужим, неважным, никому не нужным. Пару раз она закупила новые подушки, прошлась по салону, отметила, что новая управляющая хорошо справляется со своей работой и даже поддерживает прибыль на приличном уровне, а большего Алене и не хотелось...

Пока она решала ехать ей на работу или нет, зазвонил ее телефон. Это был Артем, зять.

Она не могла объяснить, почему общение с сыновьями или зятем было намного проще, чем с единственной дочерью. Алена никогда не выделяла кого-то из детей и всех любила одинаково, но вот с Дашей отношения были сложными. Нет, они никогда не ссорились и даже не выясняли отношения. Просто Даша с детства твердила, что она «папина дочка». И Алена это принимала, ведь ревновать дочь к отцу — это такая глупость! Она искренне радовалась, когда они секретничали. Иногда, конечно, было обидно, когда по женским вопросам «что надеть» или «какой бант завязать» она советовалась с Димой, и мама частенько старалась подсказать уместное сочетание в одежде, но Даша тогда делала ей назло и выбирала совсем другую конфигурацию. Алена понимала, что дочь не хочет делить с ней отца, и поначалу только смеялась этому. Потом Даша пошла в школу и стало чуть легче, а когда она начала встречаться с Артемом, их отношения с Аленой опять зашли в тупик, дочка от нее все держала в секрете, хотя отцу рассказывала все в ярких подробностях: и какой Артем добрый, и как признается ей в любви, и подарки дарит, и на руках носит.

Артем сразу понравился и Диме, и Алене: серьезный парень, намного старше их дочери, твердо стоит на ногах, руководит компанией по добыче золота, которая ему досталась от отца.

Алена тогда пыталась поговорить с Дашей, ей хотелось понять, что она чувствует к парню, любит ли его? Но дочь всегда отмахивалась и говорила:

— Выбирать мужа надо головой, а не сердцем!

Алена сразу обеспокоилась такой постановкой.

— Кто это тебе такое сказал? Не верю, чтобы отец.

— О, нет! Папочка безумно любит мамочку! — кривлялась Даша, — у них такая любовь, что иногда смотреть противно! Я так не хочу!

— А как ты хочешь?

— Я не собираюсь быть зависимой от кого-то. Я красивая, свободная и буду делать то, что посчитаю нужным.

— А кто тебе сказал, что я не свободная и не делаю то, что посчитаю нужным? — не поняла Алена.

— Ой, ну не надо, да? Как будто я не вижу. Вы друг без друга и шага сделать не можете. Дима, я пойду в салон и буду дома к четверем, — пыталась перекривить Алену дочка. — Да, родная, я тоже постараюсь быть сегодня пораньше. Сюси-пюси, фу! Я хочу нормальные здоровые отношения, где каждый из нас личность, а не тень второй половинки.

Алена очень надеялась, что с годами дочь все же поймет, что самое важное в жизни. Но пока Даша продолжала держать мать на расстоянии, и поэтому очень часто вместо дочери ей звонил зять.

— Елена Павловна, добрый день, как вы?

— Спасибо, Артем, все нормально. Вот думаю поехать на

работу.

— Отличные новости! Ваш салон уже заждался вас. Если нужна будет помощь — не стесняйтесь, обращайтесь.

Алена засмеялась:

— Да ну что ты, какая помощь?

— Ну вдруг крема закончатся? — засмеялся зять. — Или масло для массажа. Вы только скажите, и через час у вас все будет!

— Спасибо, Артем, надеюсь, я справлюсь сама, ты лучше скажи как там Даша и Настя? Не пожалели, что с малым ребенком оправились в путешествие?

— Ну вы Дашу знаете, сначала ворчала, а потом скинула на меня Настюшу. Так что пока Даша на массаже, а малышка спит, я решил вам позвонить.

— Плохо. Надо было мне Настю оставить... вы бы хоть отдохнули нормально.

— Все замечательно, честное слово! Я с этими командировками малышку совсем не вижу, а она растет каждый день! По минутам! Уже так смешно что-то лепечет: то ли баба, то ли папа. Вот у Дашки будет истерика, если она первое слово скажет не «мама»! — Артем тихо хихикнул.

— О да. Учи ее говорить «мама», чтобы избежать конфликта.

— Проснулась, похоже. Блин, я ее разбудил, походу. Ладно, все, всем привет, не скучайте, скоро будем! Всего пять платьев осталось!

Артем положил трубку, а Алена подумала о том, что ей с мужчинами легче, чем с женским полом. И предстоящая встреча с главным менеджером салона красоты, которую она оставила за себя, ее немного нервировала. Женщину звали Лилия, она была ровесница Алены, но полная ей противоположность: наглая, хамоватая, со всеми сразу переходила на «ты» и вела себя вызывающе. Она обещала Алене, что ни на рубль не опустит прибыль салона и на самом деле со своей задачей справлялась: ежемесячные отчеты и банковские отчисления говорили о том, что дела если не процветают, то вполне прилично держатся на плаву. Просто сам салон уже давно перестал приносить Алене радость, поэтому что-то менять или расширять его, как просила Лилия в своих отчетах, ей не хотелось. Но и на самотек оставлять она его не могла. Прежде всего этот бизнес ей был дорог как память о любимом муже.

Водитель подвез ее прямо к выходу, открыл дверцу машины и, пока она выходила, ей навстречу вылетела Лилия, веселая и, как обычно, очень активная:

— Ох, Еленочка Павловна! Как я рада вас видеть!

Они зашли внутрь, и Алена огляделась: почти ничего не изменилось. Салон действительно выглядел достойно — все блестело, в помещении приятно пахло цитрусом, а три сотрудницы выстроились в шеренгу и улыбались. Одну из них, массажистку, она даже узнала, девушка еще при ней работала.

На обход салона много времени не понадобилось, потом Лилия стала рассказывать Алене о «глобальных проблемах», которые в итоге оказались одной, но большой — срочно нужно было новое программное обеспечение, старому было почти двадцать лет.

Алена постоянно читала это в ежемесячных отчетах от Лилии и даже поинтересовалась у Игоря, где ей купить его. Сын сразу нашел подходящий вариант и готов был в любой день приехать и установить.

— Вы понимаете, Еленочка Павловна, что это не просто моя прихоть, это необходимая вещь для успешного развития бизнеса. Если бы вы знали, какая конкуренция среди салонов красоты сейчас! — она заломила руки и закатила глаза. — И остается на плаву лишь тот, кто может предоставить более качественные услуги за меньшую или более справедливую цену!

— Лилия, я уже поговорила с сыном, он придет завтра-послезавтра и все вам установит.

— Это который Александр? — Лилия снова подняла глаза к потолку. — Какой мужчина! Недавно случайно встретила его в кафешке. Красавец, вымахал как!

— Нет, не Саша, Игорь, один из близнецов. Он у нас в семье сейчас за компьютеры и гаджеты отвечает.

— А, ну хорошо, ваши близнецы тоже красавцы видные. Еще невест в дом не привели?

— Пока нет.

Алена встала с белоснежного диванчика и еще раз оглядела помещение: появились два больших зеркала, розовые меховые подушки на диванчике и пластиковые чашки в стильном серебряном комоде, который она года три назад купила.

— Что-то не так? — засуетилась Лилия.

— Мне не очень нравятся эти меховые подушки. Я понимаю, что салон у нас для девочек, но давайте их уберем, хорошо?

Лилия закивала, а Алена продолжила:

— Я сама куплю новые подушки и чашки и на днях завезу.

— Как скажете. Хозяин – барин! — похоже, Лилия немного обиделась, но Алена была уверена в своем выборе: она ненавидела пластик в посуде, предпочитала только фарфор, а розовый цвет считала пошлым в интерьере.

— А вы не запишетесь на процедуры? Вам бы смаз-лифтинг сделать, убрать кружочки под глазками, масочки у нас такие замечательные есть! Не хотите?

— Обязательно все сделаем. Дайте мне еще пару недель, много дел накопилось.

— Да-да, конечно!

Алена взяла с вешалки пальто, попрощалась и села в автомобиль.

Артем положил трубку, а Алена взглянула на часы, они показывали двенадцать. Она автоматически перевела время на американское — во Флориде четыре утра. Младшенький еще спит. Ивана, ее четвертого сына, младшеньким называ-

ли всегда, несмотря на то, что он был старше Даши на год.

Он с детства увлекся баскетболом и в старших классах уговорил родителей отпустить его учиться в американский колледж, где он смог продолжить заниматься баскетболом на совсем другом, профессиональном уровне.

А после колледжа он поступил в институт и сейчас уже играл за команду своего университета, которая входила в Национальную ассоциацию студенческого спорта США.

И Алена, и Дима, да и все остальные члены их семьи знали про этот вид спорта все: сколько игр в сезоне, когда начинается баскетбольный сезон, постоянно прилетали в Штаты, чтобы поболеть и поддержать Ивана.

Она опять посмотрела на часы и подумала о том, что еще три-четыре часа, и она наберет его номер и поговорит с сыном. У него вчера была последняя игра, и она хотела уточнить, какие планы у него и когда они смогут увидеться.

И еще ей очень хотелось позвонить Сашке и спросить, как у него дела. Но она так боялась, чувствовала, что лучше потерпеть до вечера. Как раз он с Давидом придет на презентацию к близнецам, и она сразу определит его настроение.

Все так и случилось. Она встретилась с Давидом и Сашкой на первом этаже в башне, где они вместе получили пропуск, поднялись на лифте и, конечно же, Алена заметила, что сын расстроен, хотя пытался шутить и не забыл поинтересоваться:

— Ты обедала сегодня?

Пока Алена вспоминала, он уже покачал головой и предложил:

— Сразу после презентации предлагаю поужинать в ресторане «Русский». Давид, как ты на это смотришь?

— Как я понял, мы сейчас направляемся не просто на презентацию, там будет банкет и, зная размах Игоря, он будет шикарным. Так что давайте действовать по обстановке.

Алена заметила, что Давид не был хмурым, как вчера. Возможно, у него уже есть информация на Алё? И там не все так страшно?

Презентация прошла идеально, и близнецы выглядели очень довольными. Алена завела новые знакомства, к ней даже пытался приставать один из заказчиков, пытался угостить вином и накормить виноградом, но Сашка быстро отвел его в сторону, и после этого новый знакомый больше не подходил.

Близнецы представили Алену всем гостям и поблагодарили за то, что она является лучшей мамой на свете. Она чуть не разрыдалась и еле сдержалась, чтобы не убежать. Всеобщее внимание под любопытными взглядами окружающих ей было в тягость. Напряжение, которое все равно сквозило во взглядах Давида и Сашки, не давало Алене расслабиться, ей было неуютно, тоскливо. Ей было плохо.

Это был ее первый выход в люди после смерти мужа, и она сейчас думала о том, что он будет последний.

Алена привыкла, что муж всегда был рядом, всегда его ру-

ка лежала на ее талии, он ее защищал и спасал даже от самых пустяковых неприятностей. Дима чувствовал ее и обнимая, и на расстоянии, и в случае малейшей опасности вылетал, как ястреб на охоту. Он оберегал ее, как садовник оберегает экзотический цветок, окружая заботой, светом и любовью.

Сейчас за него это старался делать старший сын, но у него плохо получалось. Да и ни у кого бы не получилось.

Алена кинула взгляд на Давида, который стоял к ней спиной и смотрел на ночную Москву. Во время болезни Димы и после его смерти его брат очень сдал: похудел, осунулся, а в глазах постоянно читалось отчаяние. Алена подумала о том, как несправедлива жизнь. Давид был прекрасным человеком и заслуживал лучшей судьбы, а получалось, что он прожил большую часть жизни, но ни жены, ни детей у него не было. Вся его жизнь была и есть – семья его покойного брата. Чужая семья. Чужое счастье...

Ъ

Время хранить

На следующее утро, когда и Давид, и Сашка были в офисе, секретарша доложила:

— Давид Валентинович, к вам посетительница. Без записи. Говорит, что срочное дело.

К таким «срочным делам» они оба привыкли. В основном такими дамочками оказывались обманутые жены. Они врывались в кабинет со слезами и умоляли «найти любовницу мужа за любые деньги». Бывали, конечно, и обманутые мужья, которые просили предоставить слежку за женами. Но в основном без приглашения и предварительной записи к ним врывались только обиженные дамочки.

Давид усмехнулся и подмигнул Сашке, мол, приготовься слушать очередную истерику с изменой.

Но в кабинет зашла Аля.

Мужчины как по команде встали и замерли, пристально рассматривая девушку. Наконец Сашка очнулся, сделал шаг ей навстречу и спросил:

— Аля?

Девушка кивнула Давиду и, обращаясь к Сашке, сказала:

— Здравствуй, Саша. Я к Давиду пришла.

Мужчины переглянулись, и Давид поменялся в лице: он резко взглянул на Алю и, не сдержавшись, грубо бросил:

— Нам с вами, Алевтина, не о чем разговаривать. Если

вас интересует информация по поиску любовников или других особей мужского пола, то запишитесь у секретаря. Александр Дмитриевич вас примет, когда будут свободные окошки.

Он сам не понял, почему так резко и грубо ответил на ее приветствие. Возможно, потому что ждал ее прихода, был готов к нему, хотя планировал сказать совсем другое, только вот не верил, что она действительно посмеет прийти к ним в офис. В офис, где находится не только он, но и Сашка.

А Сашка в это время стоял совершенно неподвижно и был похож на массивную статую. Но постепенно он приходил в себя и пытался понять, что же тут происходит.

— Я по делу... — тихо ответила Аля, но в ее глазах не было ни грамма испуга.

— По какому делу? — наконец-то спросил Сашка.

Давид молчал. Только выжидающе смотрел на девушку, а на его скулах гуляли желваки.

— Я хочу найти свою семью.

Сашка подошел ближе к Але:

— Я же тебе предлагал это, но ты категорически отказалась...

Девушка его перебила:

— А сейчас хочу! У всех есть семья, а у меня нет. Хочу найти свою семью.

Давид прекрасно понимал, что она пришла не для этого, а чтобы повидать его и поговорить. Только о чем? Все то, что

произошло с ними девять лет назад, было давно и неправда. Так говорят? И он не хотел, чтобы об этом узнал Сашка. Он вообще надеялся, что об этом никто никогда не узнает!

— Если действительно хочешь — я тебе помогу, — спокойно ответил Сашка, — только не понимаю, при чем тут Давид?

— Ты же говорил, что он занимается сыском.

— Так и есть. Но твоим делом займусь я.

Давид присел на стул и попытался успокоиться. Он понял, что даже если она пришла по его душу, то сегодня вселенная сжалилась и не раскрыла ту страшную тайну, которую он готов был забрать с собой в могилу.

Но девушка еще раз попыталась сделать так, как планировала, и поэтому возразила:

— Мне бы легче работалось с Давидом...

— Это еще почему? — не понял Сашка.

— Ну... после того, что между нами произошло...

Давида бросило в жар. Он еле сдержался, чтобы не нагрубить ей, и хорошо, что Сашка прокомментировал:

— Ты имеешь в виду твой отказ выйти за меня замуж?

Аля кивнула, а Сашка ей ответил:

— Я не смешиваю работу и личные дела, не волнуйся.

— А я не стану вмешиваться в ваши отношения, — добавил Давид, на ходу надел пиджак и вышел из кабинета.

Компанию еще в девяностом году открыли Давид с Димой. Сначала они предлагали заказчикам скрытое наблюдение.

ние за объектами, затем появились связи и знакомства и они стали завозить импортное оборудование и устанавливать его. С каждым годом компания все расширялась и открывала новые сферы для бизнеса: сыскное бюро, охранный агентствo, технические услуги безопасности и видеонаблюдения.

Сейчас в их компании работало более ста человек и они решали любые сложные дела: слежка, поиск должников и преступников, розыск автомобилей, интернет-расследования, розыск грузов и сопровождение сделок. Они проводили киберрасследования и могли найти компромат на любого человека.

Когда Сашка получил высшее образование, он вошел к ним в команду, и после болезни Димы большая часть обязанностей упала на его плечи. Давиду осталось только частное охранный бюро, хотя и тут ему хватало работы.

Когда дверь за Давидом закрылась, Сашка указал девушке на стул напротив:

— Присаживайся. Не волнуйся, я знаю свою работу хорошо и сделаю все возможное, чтобы отыскать твоих родителей.

Аля вздохнула, присела на стул и достала из сумочки документы.

— Это все, что у меня есть за всю мою жизнь...

Сашка рассмотрел каждый из документов, сделал ксерокопии и вернул оригиналы девушке.

— Негусто. Но возможно.

— Ты на меня сердишься?

— За что? За то, что ты меня не любишь? Нет, что ты! Разве на это можно обижаться? — Сашка встал и засунул руки в карманы. — Как только появятся хоть какие-то сведения — я тебе наберу.

Аля встала.

— Я думала, что мы с тобой можем остаться друзьями.

— Не думаю, что тебе нужна моя дружба...

— А ты не думай за меня.

— Хорошо. Скажу от себя. Мне не нужна твоя дружба.

— Спасибо за честность! — ответила Аля и вышла из кабинета.

Сашка присел за стол и обхватил руками голову.

В комнату почти сразу вошел Давид. Сашка понял, что он выжидал в переговорной, пока Аля уйдет.

— Что это было? Почему ты на нее так взъелся?

— Потому что... — Давид замолчал.

Он еще в переговорной придумал, что скажет племяннику, но сейчас передумал. Ему было стыдно врать, поэтому он спросил:

— Хочешь совет?

Сашка посмотрел на дядю и опустил голову.

— Гони ее в шею!

— Почему она тебе так не нравится?

— Потому что не любит тебя. Использует, притворяясь мышкой. А на самом деле крыса!

— Ты уже что-то нашел на нее, да?

— Еще не начинал. Но почему-то уверен, что тебе предстоит интересные раскопки!

Давид был невероятно раздражен. Сначала он злился на Алю, что она снова появилась в его жизни. Но потом понял, что во всем виноваты он сам и его трусость. Он сразу должен был признаться, что они знакомы. Ему было стыдно, что он скрыл это от самых родных людей. Он отключил компьютер и кинул Сашке, когда выходил из кабинета:

— Я уехал по делам. Сегодня уже не вернусь.

Сев в автомобиль, он набрал номер Алены:

— Привет, ты дома?

— Нет, поехала по магазинам. Нужно кое-что новое прикупить в салон. Что-то случилось?

— Да... Нет... Давай кофе выпьем с пирожным? Ты в каком районе? Я подъеду.

— Я далеко отъехала. В Авиапарк.

— Могу быть там через полчаса. Если ты свои дела закончила, давай встретимся в «Урюке», где мы Дашкино совершеннолетие отмечали, на Ленинградке.

— Отлично. Жду тебя там.

Алена приехала чуть раньше, заняла столик, осмотрелась. Они отмечали тут восемнадцатилетие Даши. Дочка сама выбрала этот ресторан. Когда она была в шестом-седьмом классе, совсем неподалеку проходили тренировки Ивана, ее лю-

бимого брата. Разница в возрасте у них была всего год. Они вместе выросли и большую часть времени проводили тоже вместе: или на баскетболе, на тренировках Ваньки, или на занятиях по фигурному катанию у Даши. Чуть позже сын уехал в Штаты, а дочка почти сразу перестала хотеть стать чемпионкой мира по фигурному катанию и бросила этот спорт.

Алена вспомнила в мельчайших подробностях, как шла вот по этому коридору и Дима держал ее за руку, как наклонился и прошептал, что соскучился. Он тогда еще не знал о болезни, был полон сил и энергии. Тогда все было так прекрасно...

Алена не заметила, как по щекам полились слезы.

Как она ни пыталась себя уговорить, что жизнь продолжается, — она жила прошлым, воспоминаниями, старым счастьем. Нового у нее не было и быть не могло. Дети не смогут заменить ей мужа. Никто этого не сможет. Никогда.

Она заметила Давида и быстро смахнула слезы салфеткой, чтобы не расстраивать его. Знала, видела, что ему тоже несладко. Дима был и для него целой вселенной.

Давид подошел к столу, они еще раз кивнули друг другу, он присел на кресло и тяжело выдохнул.

— Не буду говорить тебе эти банальные слова, что вы — это все, что у меня есть... — он схватил салфетку со стола, скомкал ее и снова развернул. — Просто скажу, что считаю, что не имею права скрывать от тебя такие важные вещи. Да, я знаю Алевтину. И да, я с ней спал.

Время раскидывать камни

Девять лет назад

— Слышишь ты, уро-о-одина! Я к тебе обращаюсь! — Ярослав схватил подушку, бросил ее в девушку, но промахнулся.

Алевтина подняла ее с пола, положила рядом на свободный стул и продолжила смотреть в учебник.

— Уро-о-о-дина! Алевтина! Как там тебя по батюшке? Ах! — Ярослав громко рассмеялся. — У нас-то и батюшки нет, да? Как же я забыл. Надо срочно добавить тебе отчество. Только подходящее. Так-с... Скорей всего, его звали Дерьмо. А твою мать Параша. И ты, значит, Параша Алевтина Дерьмововна! — он опять засмеялся. — Как тебе твоя родословная? А, уро-о-одина?

Девушка не обращала на него внимания и водила пальцем по учебнику. Пять минут назад Ярослав зашел в комнату Алевтины, присел на кровать, где когда-то спала ее лучшая подруга, и не переставая оскорблял ее. Он был пьян. Последние пару лет он был пьян почти всегда.

Ярослав вскочил с дивана и сделал шаг в ее сторону. Алевтина быстро встала, схватила со стола ножницы и выставила их перед собой.

Мужчина остановился и брезгливо скривился:

— Серьезно? Ножницами меня пугаешь? Куда подевался твой острый язычок? Где он? Поняла, что милиция тебя не спасет, да? Решила острым оружием пугнуть? Ха-ха! Очень страшно!

Он сделал шаг ей навстречу, и ножницы уперлись в его раскрытую ладонь.

— Я не идиот, если ты еще не поняла. И трахать тебя до совершеннолетия не собираюсь. Но когда тебе исполнится восемнадцать... — Ярослав отобрал у нее ножницы и отшвырнул в угол, — ты все получишь сполна, поверь мне. За весь тот год, который ты меня изводила. Я тебе обещаю, что твой язык оближет каждый сантиметр моего тела. И, может, тогда я подумаю о том, чтобы сделать тебя своей комнатной собачкой.

Он подошел к ней вплотную, положил раскрытую ладонь на лицо и припечатал ее голову к шкафу:

— Тварь! Уродская тварь! Как ты живешь такая страшная?

Мужчина был на две головы выше Алевтины и в два раза здоровей. Она понимала, что нет смысла с ним бороться, он физически ее сильнее и тут не помогут ножницы. Длинными бессонными ночами она искала путь избавления от этого жестокого человека, строила планы побега, но пока ничего путного не придумала. Ей нужно было закончить школу. Осталось совсем немного, всего два месяца, а ее совершеннолетие через неделю. Если бы не полиомиелит, которым она

заболела в семь лет и пролежала в больнице почти полгода, она бы еще в прошлом году получила аттестат и сбежала из этого дома. Но без документа об среднем образовании она не сможет поступить в институт, а у девушки были большие планы на жизнь.

Алевтина боялась Ярослава. Но несмотря на этот страх, она все же рассчитывала его победить, хотя знала, что этот мужчина слов на ветер не бросает и может сделать с ней все, о чем грезит в своих мечтах и о чем ей рассказывает в мельчайших подробностях.

— Я тебя даже тебя раздевать не буду, чтобы не вы-ы-блевать на твое уродское тело. Я просто закрою твою рожу подушкой, как будто ты сдохла, и буду трахать тебя, пока ты не сдохнешь подо мной. Это будет мой подарок тебе на день рождения. Щедрый, правда? А вообще я бы тебя с удовольствием задушил! Такие, как ты, не должны плодиться. У тебя не должно быть детей. Ты должна сдохнуть!

Поначалу Алевтина молча терпела, но потом начала запугивать милицией. Наверняка именно милиции он и боялся, поэтому и придумал для себя, что тронет ее, только когда ей исполнится восемнадцать.

Она попала в эту семью, когда ей исполнилось двенадцать, и ей показалось, что она выиграла джек-пот. Над ней взяла опекунов вполне симпатичная семейная пара – Зарубины Ярослав и Тамара. По паспорту она была Тамиллой, так ее

иногда муж и называл, а она злилась, видимо, не любила свое родное имя. Они жили в поселке Поваровка, всего в пятидесяти километрах от центра Москвы. Дом был небольшой, но Алевтине выделили отдельную комнату с двумя кроватями.

— Очень скоро наша семья станет еще больше и тебе не будет скучно! — сообщила новая мама еще через неделю.

Але не было скучно. Ей было страшно. Всю свою жизнь Алевтина прожила в детском доме, у нее никогда не было родителей. Нет, где-то там, в документах, они, конечно, значились, но от нее отказались в роддоме, и после дома малютки она оказалась в детском интернате.

Все дети, проживающие в детских домах, мечтают о семье, и Але хотелось иметь семью больше всего на свете.

Она смотрела фильмы и сериалы, читала романы и придумывала, создавала свою: вот мама, у нее теплые руки, она гладит ее по щеке, берет расческу, ведет по непослушным волосам, а потом заплетает косички. А вот отец, он только зашел в дом, от него пахнет морозом и табаком, он щурится, треплет ее за щечку и говорит:

— Смотри, что я тебе принес!

И достает из-за пазухи еще теплый хлеб, отламывает и протягивает ей. Мама смеется, ругает мужа, что он перебьет аппетит дочке, а сама наливает чашку парного молока и протягивает Але.

Такие фантазии возникают в голове маленького человека и превращаются в мечту взрослой женщины.

Двенадцать лет Алевтина ждала, чтобы желание исполнилось. А до этого наблюдала как приходили незнакомые тети с дядями, рассматривали деток и выбирали себе самую красивую девочку или самого послушного мальчика. На нее почти не смотрели. Один раз она даже услышала, как нянечка уговаривала тетеньку присмотреться, приговаривая:

— Тихая, послушная. А какая умная, вы бы знали! Уже читает, в уме прибавляет и отнимает числа, учится на отлично, невероятно умная девочка!

Но та ей резко ответила:

— Страшненькая! Ей даже банты не помогут.

Алевтина не просто знала, что она страшненькая, она была уверена, что она уродина. Именно такую кличку она имела в интернате и так к ней привыкла, что даже откликалась на нее.

О том, что Але повезло с детским домом, она узнает потом, когда услышит от новых подруг об их интернате. У нее же и директриса хорошая была, и воспитатели добрые. В пять лет Алю даже отправили к логопеду, потому что она не выговаривала букву «р», ее учили, как надо себя правильно вести, подготовили к школе, несколько раз в год они выезжали в театры, музеи или цирк. Можно было выбрать себе различные секции, и выбор Али по на шахматы. Она даже один раз ездила на соревнования, но ничего не выиграла. Победа ей не досталась потому, что соперник перед началом матча сказал:

— Выиграешь у меня — забью до смерти! Подкараулю у школы и убью! Поняла? Уродина!

Аля сначала испугалась, а потом решила назло этому напущенному индюку, который был старше ее на три года и на две головы выше, выиграть. Но не смогла совладать с собой: руки начали трястись, подбородок дрожал, зубы стучали от страха. Она крепко сжимала кулаки, сдерживая себя, и проиграла, потому что не смогла сосредоточиться на игре. Потом винила себя, месяца два рыдала и пообещала больше ничего не бояться. Но, наверное, душа у нее была трусливая, и при малейшей опасности она начинала трястись как осиновый листок.

Новая семья ей очень понравилась. Они определили Алю в школу, принесли новые вещи, вроде бы и ношенные, но вполне хорошие, современные. Аля все ждала, что будет как в фильмах, когда родители вместе с детьми садятся за большой стол и ужинают. А по утрам завтракают. Стол в доме был, но никто за ним не сидел. И еду никто не готовил. Ярослав с Тамарой уезжали рано, возвращались поздно. Из еды могли привезти вечером хлеб. Тамара сразу сообщила Але, что готовить она не любит и не будет.

— Вот там, в нижнем шкафчике, есть крупа и консервы. Ты девочка большая, сама себе и готовь. Я тебе не нянька.

В приюте Алю не учили готовить, и она совершенно ничего не умела. В школе ей были положены завтраки и обеды, а вот ужинать приходилось дома, и поэтому в первый вечер

она решила отварить гречку. Интернета тогда не было, книг по кулинарии она не нашла, поэтому залила крупу водой и поставила на огонь. Каждую минуту проверяла готовность и, когда через десять минут крупу по-прежнему невозможно было есть, она ее выбросила. Потом испугалась, что новая мама будет ее ругать, и попыталась скрыть улики: все до крупинки убрала и плиту помыла.

Но Тамара все равно учуяла запах гречки и обрадовалась, что дочка приготовила ужин. Але пришлось во всем признаться, она даже разрыдалась от страха, что ее сейчас вернут в приют.

Но Тамара только посмеялась и объяснила, как варить различную крупу.

В приюте кормили замечательно — шестиразовое питание, которое Аля съедала подчистую. Больше всего девочка обожала полдники и второй ужин, где часто выдавали печенье, пряники или выпечку. Иногда, правда, было просто молоко или кефир, но и этому она была рада.

В школе, в которую она сейчас пошла, разнообразием блюд не баловали, но даже котлеты, где вместо мяса был хлебный мякиш, а вместо пюре — картошка из порошка, ее не расстраивали. Плохо было только одинокими вечерами дома, пока не приходили Ярослав и Тамара.

Но недолго. Через месяц, когда Аля вернулась из школы, ее ждало пополнение в семье: четыре новенькие девочки, которых так же удочерили, как и ее.

Самой бойкой была Галя — высокая, худая, с карими глазами и короткой стрижкой под мальчика. Ей исполнилось четырнадцать, она все умела и знала.

Оксане, которая впоследствии стала лучшей подругой Али, было тринадцать. Она была настоящей красавицей: голубые глаза, темные локоны, уже довольно большая грудь и крутые бедра.

Еще две девочки были ровесницами Али — Оля и Наташа: неприметные серые мышки, низенькие, худенькие.

Родители сразу сообщили, что дети должны будут помогать им «выжить».

— Сейчас очень трудное время. И мы от всего сердца хотим стать вам семьей и взяли из приюта столько детей, сколько нам позволили, но прокормить вас нам будет трудно, поэтому вы должны нам помогать.

Все это объясняла Тамара, Ярослав только хмуро смотрел на приемниц, разглядывая каждую внимательным взглядом. А новая мама разъяснила, что после школы девочки должны будут работать: в подвале установлены две швейные машинки и оверлок. Она всему обещала научить, уверяла, что у них будет свободное время и на учебу, и на отдых.

Тамара говорила нежным ласковым голосом, иногда гладила одну из дочек по голове. Эта новая мама очень нравилась Але: ее взгляд был добрым и нежным, губы мягкие, красивые, рот бантиком, совсем не такой, как у Али. Ее движения были плавными и изящными, хотя сама она была до-

вольно плотной.

Ярослав представлялся Але сильным, волевым мужчиной, таким, каким и должен был быть отец в ее понимании.

В этот же вечер к Але в комнату подселили Оксану, а Оля, Наташа и Галя разместились в другой спальне, их пока положили на пол на матрасы, обещали купить кровати на неделе.

Все четверо прибывших были из одного приюта и хорошо знали друг друга.

Когда-то давно, лет пять назад, Аля получила очередной пинок в спину от мальчика, который был намного старше ее. И соседка по комнате тогда посоветовала Але:

— Что ты такая размазня? Ты не должна позволять другим себя обижать. Если ты себя не поставишь, то поставят тебя! Давай сдачи! Бей сразу в глаз!

Но Алевтина не умела и не хотела этого делать. Общение у девочек в детском доме специфическое. Обычно они дружат не с кем-то, а против кого-то.

Так вышло и сейчас. Оксана присела на кровать к Алевтине и сказала:

— Эта Галя — редкостная дрянь! Если будет заставлять тебя стирать ей вещи — сразу давай отпор. Она у нас многих эксплуатировала, дубасила, чем попадалось под руку, если они не соглашались. Она договаривалась убирать снег в соседних домах, а сама заставляла других и за это деньги получала. С мусором та же история. К воспитателям тоже имела подход, хитрая сучка. Бедные Оля с Наташей, я им не зави-

дую, она их там эксплуатировала, а сейчас так вообще рабынями сделает.

Алевтина только испуганно смотрела на новую «сестру» и кивала.

— Как тебе новые мамашка с папашкой? Ты давно тут?
— спросила Оксана.

— Почти месяц.

— Что мы хоть шить будем, знаешь?

— Нет. Но там в подвале машинки есть, я видела...

Следующим утром мама предложила девочкам пропустить школу:

— Я взяла выходной и вам дам, нам надо побыть вместе, получше узнать друг друга, — сказала она за завтраком, положив на стол пачку печенья и сахар, — чай в том шкафчике, делайте себе чай, завтракайте и спускайтесь в подвал, я буду учить вас шить.

Когда она вышла из кухни, девочки накиннулись на печенье и разобрали его за несколько секунд. Але ничего не досталось, потому что она не участвовала в дележке и только испуганно смотрела, как девочки стали ссориться:

— Не жирно тебе будет? Три печенья? — грозно спросила Галя и отобрала у Ольги одно.

Потом все встали готовить себе чай, и каждая с полной чашкой вернулась за стол. Але боялась пошевелиться, поэтому только исподлобья наблюдала.

— И откуда ты такая переleyканная, как говорила наша воспиталка? — спросила Галя у Али, но та не ответила и только опустила голову.

— Значит так, слушаться все будете меня, я тут старшая.

— Не буду я тебя слушать! — сразу возразила Оксана.

— Куда ты денешься! — засмеялась Галя. — В детдоме не смогла, но тут ты не отвертишься и воспитателю не пожалуешься!

— Тамаре пожалуюсь! — возразила Оксана.

— Ха-ха! Тамаре надо, чтобы мы батрачили на нее, неужели не понятно? Она за нас у государства получает огромные деньжища, да еще и рабочую силу иметь будет. Уверена, что мы поможем ее бизнесу.

Она окунула печенье в чай, сразу отправила его в рот и продолжила:

— Нам реально повезло, девочки! Вы даже не представляете как! — Галя кинула взгляд на Алю. — Я не о тебе говорю. Тут у вас в Москве совсем другие детдома, видимо, рядом с президентом боятся беспредельничать. А у нас в Челябинске такой ад, что даже не верится, что мы вырвались оттуда.

Чуть позже Оксана расскажет Алевтине про их детский дом, и по ее рассказам девочка сделает вывод, что это был действительно ад и что его совсем не сравнить с приютом, где она прожила девять лет.

Директором интерната у девочек был человек, который совершенно не беспокоился о своих подопечных. В детдоме

процветала дедовщина, кормили их ужасно, старшие отбирали у младших еду, одежду и все, что хоть немного им нравилось, а воспитатели предпочитали не замечать происходящего, пока дело не доходило до серьезных травм.

— Там главное — понять, к кому прибиться, — объясняла Оксана. — Одна ты никто. Тебя заставят за всех убирать, вещи стирать, еду отбирать будут. Пожалуешься — вообще жизни не дадут.

— А воспитатели?

Оксана рассмеялась.

— Ты как маленькая. Им главное, чтобы никто не умер и милиция не приехала. А кто кого там лупит — это наши проблемы.

Аля сидела на кровати Оксаны, поджав под себя колени, и с ужасом слушала про совершенно незнакомую ей жизнь.

Ее тоже дразнили. Обзывали уродиной, иногда толкали, могли спрятать вещи, но рядом всегда находился взрослый, к которому можно было обратиться. Там существовали правила, которые иногда нарушали, но все-таки правила были.

У Оксаны правил не было.

— Галя потому такая и стала, — продолжала она. — Она поняла, что или ты командуешь, или командуют тобой. Сначала сама дралась за каждую конфету, а потом уже другие ей свои отдавали.

— А Оля с Наташей?

— Они Галку боятся. Она их еще там под себя подмяла.

Поэтому я тебе и говорю: не позволяй ей сесть тебе на шею.

— Я не умею драться.

— Научишься.

— Не хочу.

Оксана посмотрела на нее с недоумением.

— Тогда хотя бы убегать научись.

И вдруг рассмеялась.

Алевтина тоже улыбнулась, хотя ничего смешного в этих словах не было.

Оксану определили в детский дом, когда умерла ее бабушка. Девочке было всего три годика, она часто пыталась вспомнить лицо бабушки, но не могла. Потом она долго ждала, что за ней придет мама, но время шло и ничего не менялось. Тогда она стала мечтать о новых родителях, и однажды это случилось.

Мужчина и женщина предложили ей ближе познакомиться. Они втроем гуляли возле детского дома, женщина была так ласкова с ней, угостила печеньем и шоколадной конфетой в яркой упаковке. А мужчина все время молчал и рассматривал девочку.

Вскоре они ее удочерили, и Оксана вернулась к нормальной жизни: вкусная еда, новые, красивые вещи, они даже купили ей велосипед и ролики. А через год мама стала плакать: сначала тихо у себя в комнате, а потом навзрыд на кухне.

— У него другая! — рыдала она и рассказывала подруге

про мужа. — Что мне делать?

Подруга что-то монотонным голосом советовала ей, мама на несколько секунд замирала, а потом опять продолжала рыдать:

— Говорит, что я во всем виновата. Что не могу родить ему родного ребенка. Не любит он Оксану. Не может даже в одной комнате с ней находиться! И что мне делать?

Через месяц Оксану вернули в детский дом. Никто ничего девочке не объяснял, мама ее просто привела и оставила воспитательнице.

— Я очень хорошо помню, как смотрела ей вслед, — у Оксаны на глазах появились слезы, — мне было чуть больше пяти, а эти воспоминания никогда не сотрешь из памяти. Я бы стерла, если смогла. Но не могу. Как так? Как так, Аль? Меня как картошку в магазине взяли, а потом вернули назад, как бракованную...

— Сами они бракованные!

— А потом через два года меня опять удочерили. Одна женщина. Мужика у нее не было, одиночка типа. Тоже накупила мне школьную форму, банты завязала, любовалась мной! Даже подружкам водила показывать, хвасталась. А я уже тогда поняла, что не буду им всем верить и привязываться. Как в воду глядела! Через полгода она меня отдала. Уехала в Америку работать, и красивая дочка с бантиками ей стала не нужна.

— А разве так можно? Почему государство позволяет это?

— Конечно, можно! Да и лучше так, чем они бы издевались надо мной. Неродного ребенка полюбить сложно. Так что я не собираюсь привязываться к нашей Тамаре. Знаю, что в любой момент она может нас всех вернуть. Поскорей бы мне шестнадцать стукнуло, я поступлю в техникум какой-нибудь и пойду в общагу жить.

В комнату забежала Наташа:

— Вы долго собираетесь лясы точить? Пошли работать! Галя уже все раскроила.

Подпольная швейная мастерская работала на полную мощность. О том, каким бизнесом занимаются их новоиспеченные родители, девочки узнают только через год, когда Тамара «заболеет» и три месяца будет лежать в спальне, скулить и посылать Галю за лекарством — дешевым вином из картонной коробки.

— Тamarочка, мне уже третий раз не дали. Сегодня там дежурит эта злая продавщица, караулит меня у входа и прогоняет.

— А ты включи мозги и попроси кого-то, не видишь, я умираю? Иди, сказала.

— Да кого я попрошу? — пожимала плечами Галина.

— Мужика какого-то, объясни, для мамки, давай, топай! — крикнула она.

Через пару дней Оксана в школе узнала, что их новых родителей поймали с поличным при воровстве и Ярослава по-

садили. Весь поселок гудел. Дело раздули и поговаривали, что Ярослав надолго сядет.

— Их почикали прям с рулонами ткани, когда они садились в машину, представляешь? — дoloжила одна из одноклассниц. — Моя мамка сказала, что их специально подставили, они совсем оборзели, чуть ли не машинами воровали.

Оказалось, что Тамара работала на швейной фабрике кладовщиком, а Ярослав сторожем или, как он сам себя называл, смотрителем. Воровали они различные ткани рулонами, деньгами делились с бухгалтерией, там половину списывали на брак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.